

Удивительные метаморфозы адвентизма

1.

Как известно, адвентистское учение довольно существенно менялось по ходу существования этого исповедания. На этот счет есть разные мнения: понятно, что критики адвентизма ставят эту доктринальную эволюцию ему в вину, а сторонники – оправдывают. Конечно, пристрастность в той или иной степени всегда будет наблюдаться в подобных оценках, и потому, предоставим говорить о процессе изменений адвентистской догматики самим адвентистам – по крайней мере, так будет меньше поводов для критики. Обратимся в этой связи к книге адвентиста Джорджа Найта «В поисках своего лица».

Недоумения начинаются уже с предисловия к этой книге, написанного Нилом Вильсоном, который с 1979 по 1990 был президентом генеральной конференции церкви адвентистов – т.е, по сути, 11 лет возглавлял эту конфессию. Вот его слова: «Вначале доктор Найт предлагает гипотетическую дилемму. Он отмечает, что большинство основателей и пионеров адвентизма седьмого дня семь раз подумали бы, прежде чем присоединиться к современной Церкви, оказавшись перед необходимостью принять нынешние адвентистские 27 (теперь уже 28 - прим. пер.) основных доктрин. На начальном этапе развития Церкви «истина для настоящего времени» включала в себя заповеди Божьи, субботу, весть о святилище, смертность души, трехангельскую весть из 14-й главы Книги Откровение и Второе пришествие Иисуса Христа. Автор этой книги ясно показывает, что с самого начала адвентисты седьмого дня были готовы видоизменять и пересматривать свои убеждения и обычаи, если в Священном Писании обнаружится к тому достаточно веская причина. Вот почему в предисловии к церковному сборнику с изложением основных библейских доктрин сказано буквально следующее: «Пересмотр этих доктринальных положений может быть осуществлен на съезде Генеральной Конференции, когда Святой Дух ведет Церковь к более полному пониманию библейской истины или когда Церковь находит более точную формулировку, отображающую учения святого Божьего Слова».

Здесь сразу возникает множество вопросов: что это за «пионеры» адвентизма, которые не присоединились бы к нынешней церкви АСД? Если так, то какой адвентизм подлинный – тот, или этот? Почему современный адвентизм включает именно 27 доктрин (или 28) – это число, что, должно постоянно меняться? Что такое «истина для настоящего времени», включающая в себя все базовые доктрины, специфичные только для адвентизма? Разве могут вообще быть в христианстве спасительные истины (если иметь в виду догматы) только «для настоящего времени»? Ведь сказано же нам: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). И, конечно, для христиан это всегда означало, что истины христианства даны не на какое-то время, а на целую вечность, и потому не может быть отдельных догматических истин для прошлого, настоящего или будущего. Истина неизменна и не может эволюционировать. Но здесь мы читаем, что адвентисты готовы видоизменять свои убеждения – странная какая-то церковь. Еще можно согласиться с тем, что формулировки догматов уточняются и могут изменяться (и при этом, конечно, могут быть неточные формулировки, как, например, у части ранних отцов в связи с догматом о Троице) – но не сами догматы. Однако тут сказано, что «генеральная конференция» (замечательный синоним для Тела Христова!) может пересматривать доктринальные положения. Разве в Слове Божиим не дана полнота Истины? Разве эта полнота откровения не дана Церкви уже 2000 лет назад? Что это за церковь, только постепенно открывает для себя все новые догматы и пересматривает старые, как будто она так и не знает полноту истины, открытую нам Отцом, Сыном и Святым Духом еще тогда, в Палестине? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к тексту самого Найта.

Читаем в самом начале первой главы труда Найта: «Большинство основателей Церкви адвентистов седьмого дня не сочли бы для себя возможным присоединиться к Церкви сегодня, будучи поставлены перед необходимостью принять современное «Изложение основных библейских доктрин». Если говорить конкретнее, то они не приняли бы доктрину номер 2, касающуюся учения о Троице. Для Джозефа Бейтса Троица была небиблейским понятием (Автобиография, с. 204, 205),

Джеймс Уайт считал ее «древним вздором» (Ревью энд Геральд, 5 августа 1852 г., с. 52), а М. Е. Корнелл - результатом великого отступничества, находящимся в одном ряду с такими лжеучениями, как соблюдение воскресенья и бессмертие души (Facts for the Times, 76). Не меньше проблем у большинства основателей адвентизма седьмого дня было бы с основной доктриной номер 4, которая провозглашает Иисуса вечным и истинным Богом. Для Дж. Н. Андруса «у сына Божьего... Отцом был Бог, и он действительно, в какой-то момент минувшей вечности, имел свое начало дней» (Ревью энд Геральд, 7 сентября 1869 г., с. 84)».

Слова эти изумляют и ошарашивают – как, основатели адвентизма не смогли бы принять нынешний адвентизм? Так одна ли это церковь – тогда и сейчас? И как она может быть истинной, если ее основатели сегодня не вступили бы в нее??? Православные молятся в Символе веры: верую в апостольскую Церковь – при этом мы исповедуем, что у нас та же вера, что и у апостолов, и они, будь живы на земле сегодня – были бы прихожанами Православной Церкви.. При этом, мы, конечно, отдаем себе отчет, что в первом веке не было иконостасов, икон Рублева и нынешних одежд духовенства; не было триадологии св. Григория Богослова, христологии св. Кирилла Александрийского и много другого. Ясно, что богословие Церкви развивается, но! – догматические основы веры при этом остаются точно такими же! А здесь г-н Найт говорит, что апостолы адвентизма придерживались как раз иных догматических основ и резко раскритиковали бы нынешний адвентизм за его «отступничество» - а на самом деле – просто за приближение к более традиционному протестантизму. Любопытно, что даже сами названия глав исследования Найта – даже они вызывают вопросы – например, 4 глава названа «что адвентистского в адвентизме?», а 5 – «что христианского в адвентизме?». Замечательно! Значит, в адвентизме не все является христианским, а есть еще нечто нехристианское, и оно-то является адвентистским? Мне-то казалось, что в истинной церкви все должно быть христианским, а не каким-то еще: все, что не от Христа – грех и ересь. Возможно, г-н Найт тут просто эффектно выразился, пытаясь подчеркнуть, что в адвентизме есть свои специфические догматы, которых нет у других христиан. Но это и настораживает: что это за догматы, которых христиане не знали 18 веков? И как в таком случае избежать обвинений в сектантстве, ведь именно секты всегда претендуют на невиданную религиозную новизну, которая столетиями была «покрыта мраком».

Однако, неприятие основополагающих для христианства догматов – это еще не единственный пример вероучительной эволюции адвентизма. Найт приводит пример не только эволюции «христианского» в адвентизме, но и собственно «адвентистского»: «Первые адвентисты в массе своей расходятся со своими нынешними наследниками не только в этих трех доктринах. Центральным учением для них была так называемая «теория закрытой двери», провозглашавшая закрытие двери благодати и завершение евангельской миссии Церкви в октябре 1844 года. Елена Уайт, как мы увидим далее, придерживалась тех же убеждений. Были у нее и другие представления, которые она разделяла с большинством прочих адвентистов в конце 40-х и начале 50-х годов девятнадцатого столетия. В частности, она считала, что суббота начинается в 6 часов вечера в пятницу и заканчивается в 6 вечера субботы и что вполне допустимо есть свинину и мясо прочих животных, которые во Второзаконии определены как нечистые» (заметим, как от последней фразы веет иудейским духом). В православии принято критически относиться к светским (а часто - просто атеистическим) теориям «эволюции религии» - порой просто смешно читать, как христианство заимствовало – одно у того, другое у этого, а потом незаметно украло у язычества всю христианскую догматику; при этом основные доктрины христианства «мутировали» точно так, как предсказывал данный специалист по религиоведению. Такая вот теория «изменчивости и наследственности». Конечно, нет нужды лишней раз доказывать, что она неверна. Но когда изучаешь зигзаги адвентистской доктрины, то возникает ощущение, что здесь можно почерпнуть обильный материал для таких религиоведческих теорий.

Видимо, понимая всю «компроматность» этого исторического материала, Найт пишет: «У вас, должно быть, уже возник вопрос, а можно ли верить всему вышесказанному, и если да, то каким образом наша Церковь перешла от первоначальных убеждений к современному пониманию библейского учения». О, да, вопросы возникают! Что это за адвентистская истина, которая так масштабно эволюционирует? Разве божественная истина может так меняться? Эволюционирует только тленная материя – от одного тления к другому. Эволюционирует современное человечество

со своими убеждениями – и все больше скатывается к смерти. Найт отвечает на это так: «По отношению к субботе Бейтс стал употреблять выражение «истина для настоящего времени» с января 1847 года /../. В 1849 году Джеймс Уайт, процитировав 2 Петр. 1:12, где говорится об утверждении «в НАСТОЯЩЕЙ ИСТИНЕ», далее писал, что «во времена Петра тоже была настоящая истина, то есть истина, предназначенная для того времени. У Церкви всегда была настоящая истина. Истина для нашего времени указывает нам на наш настоящий долг и на то основание, которое мы должны занять в преддверии времени скорби». Он вполне согласен с Бейтсом по поводу содержания истины для настоящего времени. Первые два ангела из Откр. 14 уже провозгласили свои вести - теперь наступил черед третьего (Present Truth, July 1849, 1)».

Снова удивляешься: получается, что у христиан для разного времени – разные истины? Но тогда это позволяет оправдать любые отступления от Истины! Кроме того, эта доктрина напоминает представление яростно критикуемых адвентистами католиков – теорию «развития догматов». Она ведь тоже понадобилась, чтобы оправдать догматические отступления католичества – догмат о чистилище или о непорочном зачатии Девы Марии. При этом у адвентистов получается еще сильнее: выходит, что люди спасались «одной истиной для настоящего времени», а теперь они спасаются «другой истиной для настоящего времени» - это ли не оправдание всяческого экуменизма? И если 1800 лет люди спасались без субботы и доктрины небесного святилища, то совершенно непонятно, зачем теперь нужны эти доктрины? Апостол Павел говорит: «один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф.4,5). Стало быть, мы спасаемся Богом по одной и той же вере – в разные времена. А тут проповедует спасение по разным верам, да еще и за этим кроется странное понимание откровения. Если верить адвентистскому пониманию трехангельской вести из Откровения, то тогда необходимо верить, что полнота откровения не была сообщена Богом в Новом Завете. Получается, что Господь не сообщил всей истины апостолам – они ничего не знали ни про почитание субботы вместо воскресенья, ни про небесное святилище. А теперь вот «третий ангел» якобы сообщил новые спасительные истины – и только в 1844 году! 18 веков про них не знал христианский мир. Сразу на ум приходят слова апостола Павла: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8).

2.

Если верить адвентистам в этом вопросе, то необходимо считать, что одного Нового Завета недостаточно. Придется верить, что в 19 веке Бог заключил еще один «новый завет» - с лидерами адвентизма, и в первую очередь, - с г-жой Уайт. Ведь именно через нее так изобильно излился адвентистский свет. Это в какой-то степени начинает напоминать ислам: дескать, Бог уже дал людям откровение, иудеям и христианам, но они исказили его, и вот теперь, через Мухаммеда, наконец-то дано неискаженное откровение – что-то вроде «нового «нового завета»». Здесь же, вместо Мухаммеда – Елена Уайт. Адвентисты, конечно, не считают Новый Завет искаженным, однако сама теория о том, что истина в эпоху Нового Завета была дана не вся, а потом еще и искажалась, чтобы в 19 веке пришел новый адвентистский свет – эта теория имеет черты сходства со взглядами Мухаммеда. Здесь возникает неизбежная мысль – а не носит ли в себе все богословие реформации этот отпечаток сходства с мусульманской теорией «искажения божественного откровения»? Действительно, и в том, и в другом случае говорят о том, что божественное откровение было искажено – в одном случае говорят о католиках, а в другом – вообще о всех христианах. Причем мусульмане даже логичнее – они утверждают, что христиане при этом исказили и сам текст Нового Завета – протестанты до этого не доходят, хотя канон Нового Завета в 16 веке они попытались «перетрясти» и католические переводы Библии активно критиковали.

В самом деле: если уж, по мнению протестантов, Церковь погрязла в язычестве и идолопоклонстве, то как при этом не был искажен текст Нового Завета? Мусульмане обвиняют христиан примерно в том же самом, но их «схема искажения» выстроена более четко: откровение было искажено, и потому сам текст его также искажен, а следовательно – Бог дал новое откровение! По сути, адвентисты с их вестью «третьего ангела» - выстраивают в чем-то сходный вариант. Мухаммеду вот тоже ангел являлся – как считают мусульмане. И он получал от него откровения – несколько иные, чем г-жа Уайт, но, тем не менее – в них тоже не было места ни для догмата о

Троице, ни для догмата о Богочеловечестве Христа. Разница, и существенная, в том, что адвентисты все же не отрицают христианское откровение – они только считают, что оно было первым этапом, а потом появились «дополнительные откровения» Елены Уайт. Да, мы знаем, что есть Ветхий Завет и Новый. Но ветхозаветные пророки жили ожиданием явления Мессии в мир. И после того как Мессия, Бог, пришел в этот мир – никаких откровений быть не может, ибо что может быть совершеннее откровения Самого Богочеловека Иисуса, Спасителя нашего? В этом смысле вера в какие-то откровения, помимо библейских, означает, по сути, признание недостаточности или неполноты божественного откровения. Мы верим, что Бог дал людям откровение в виде Священного Писания, и что Он ведет Церковь Своею благодатью – чтобы она всегда пребывала в Истине. Но верить, что 18веков это откровение было погребено под спудом ереси, да еще и не была дано все, и вдруг появляется «новая истина» для 19века – это действительно означает разрушать и веру в Откровение и веру в Церковь. И все это – только для того, чтобы поверить американской пророчице Елене Уайт!

Она сама вполне разделяла эту теорию о «текучести» адвентистской истины: «Истина для настоящего времени, испытывающая нынешнее поколение людей, - писала она в связи с седьмым днем субботой, - не была испытанием для людей прошлых поколений /../ весть, которую Бог дает Своим слугам провозглашать сегодня, могла и не быть настоящей истиной двадцать лет назад, но это Божья весть для нашего времени». Вот это поистине замечательно: истина – это только истина для адвентистского «сегодня», но она не была истиной для доадвентистского «вчера»! Христианская истина, которая не всегда была истиной (значит, была ложью?) – это нечто поразительное. Более того, Уайт допускает, что и открытые ей «истины» тоже могут измениться: «наше понимание истины не будет стоять на месте, ибо истина способна к постоянному развитию... Наше исследование истины еще не завершено. Мы восприняли всего лишь несколько лучей света» . Т.е., надо ли это понимать в том смысле, что впоследствии адвентисты могут отказаться и от наследия самой Уайт, коль скоро их понимание истины никогда не стоит на месте и постоянно развивается? По поводу «подвижности» истины Уайт, например, говорила, что пока не нужно всем адвентистам воздерживаться от свинины – Бог, дескать, откроет эту «истину», если надо. Это иллюстрирует текучесть «истины о свинине».

Любопытно, что доктрина «подвижности» истины привела адвентистов к своего рода аллергии по отношению к четким доктринам и символам веры. Вот что говорил в связи с этим адвентист Джон Лафборо на конференции 1861 года: «первый шаг к отступничеству - когда мы сформулируем символ веры, в котором говорится, во что мы должны верить. Второй - когда мы сделаем этот символ веры критерием, чтобы определять, кто нам брат, а кто нет. Третий - когда мы начнем судить по этому символу веры членов Церкви. Четвертый - когда мы объявим еретиками тех, кто не верит в этот символ. И пятый - когда начнем преследовать таковых». Как видим, картина нарисована пугающая – стоит только сформулировать истину – и тут же начнется уничтожение еретиков. Если исходить из этой логики, то, видимо, математик, убежденный в истинности положения $2*2=4$, должен стремиться к репрессиям против всех, кто думает иначе (и что бы сказали о математике, который заявил бы, - сегодня мы полагаем, что $2*2=4$, но завтра наша конференция математиков может решить, что это 5, ведь наши истины меняются в соответствии с новыми открытиями в математике, - это к вопросу об изменчивости истин в адвентизме). Отметим, что это весьма напоминает постмодернистские представления: якобы вера в единственность и абсолютность истины должна непременно порождать тоталитаризм, уничтожение инакомыслящих и прочие ужасы. Так что здесь прослеживается защита некоего плюрализма и релятивизма в понимании истины. Однако из истории мы прекрасно знаем, что даже самый завзятый релятивист все равно верит в абсолютность истины – например, абсолютность истины релятивизма. А поскольку адвентисты все же не релятивисты – то в действительности отрицание общепринятого символа веры, - это скорее декларация, чем подлинная доктрина. Конечно, муж Елены Уайт Джеймс утверждал, что «сформулировать символ веры значит огородить себя столбами и преградить себе путь для всякого продвижения в будущем». Он высказался в пользу того, чтобы и впредь следовать за Святым Духом, открывающим новые истины, и посоветовал, что некоторые люди своими символами веры «как бы отметили для Всемогущего путь, по которому Он должен идти. Они как бы говорят, что Господь не должен выходить за рамки того, что уже было отмечено в символе веры...». «Библия, - заключает он, - вот наш символ веры. Мы отвергаем все, что облечено в форму человеческого символа веры».

Звучит красиво, прямо по-протестантски, в духе реформации: ничего человеческого, только божественное. Но если попытаться осмыслить это высокопарное заявление, то за ним будем скрываться все тот же неопротестантский субъективизм: мы верим в Библию, но поскольку в Библии нет четко сформулированного катехизиса или символа веры, то это значит, что мы верим в нашу интерпретацию Библии. В конце концов, все протестанты говорят, что только Библия для них является источником истины. Но при этом верят они в разные вещи. Значит, ссылаться только лишь на Библию нельзя, - необходимо подчеркнуть отличие от других в ее истолковании. А интерпретация Библии адвентистами в первую очередь связана с именем Елены Уайт. Тут сразу возникает вопрос к адвентистским «отрицателям символов веры»: если некий адвентист начнет отвергать субботу или «особый дар» г-жи Уайт – о нем не начнут судить как о еретике и не изгонят из адвентистской общины? Очевидно, что да? И как же это объяснить, если отрицать наличие «строго символа веры»? Хорошо, допустим, адвентисты скажут, что заповедь о субботе не была отменена и содержится в Библии. Но о Елене Уайт в Библии нет никаких однозначных указаний – значит, подчеркивая ее авторитет и статус ее писаний, адвентисты все равно опираются на некий «невидимый» символ веры. Что бы там ни говорили про «человеческий символ веры», но, во-первых, человек нуждается в четко сформулированных истинах веры – просто ссылки на Библию здесь не помогут, ибо всегда нужно знать, - как именно понимать те или иные места из Библии; во-вторых, разве Церковь не ведет Бог, под водительством Которого она в состоянии сформулировать «божественный символ веры»? Или божественность заключена только в рамки Библии? Но, хотя это и совпадает с общепротестантским представлением об исключительности Писания, - однако, противоречит вышеозначенной адвентистской концепции о том, что божественное не заключено рамками «символов веры» и т.д.

Божественное действительно нельзя заключить в человеческие рамки, это верно. Верно и то, что Бог превосходит любые наши представления о Нем – отсюда апофатизм православного богословия. Но это не значит, что мы совсем уж не можем сформулировать то, во что мы верим. Для этого Бог дал нам разум и божественную благодать, дабы мы, пребывая в Теле Христовым, познавали Истину и жили в ней. Разве можно сказать, что вера в Троицу, сформулированная в Никео-Цареградском Символе веры, как-то ограничивает Бога и предписывает ему какие-то рамки? В Писании слова «Троица» нет. Но Бог дал нам в Церкви эту спасительную истину. Т.е., напротив, не догмат о вере в Троицу ограничивает Бога, но Бог ограничивает нашу веру догматом о Троице, чтобы мы шли узкими вратами спасения. Попытка доказать, что любые формулировки догматических истин в постбиблейскую эпоху приводят к «ограничениям божественного» на деле означают либо отрицание действия божественного за пределами апостольского периода, либо признание изменчивости любой догматической истины. По-видимому, адвентизм в своем богословии пытается сочетать оба подхода – да еще в сочетании с традиционным, ведь от потребности в определенной догматике никуда не денешься.

И потому Найт констатирует: «На протяжении всей своей полуторавековой истории адвентисты противятся искушению сформулировать неизменный символ веры, но с течением времени они все-таки выработали свои «основные доктрины». С момента образования в 1861 году первой конференции и до конца двадцатого века Церковь адвентистов седьмого дня разработала всего-навсего три более или менее официальных декларативных документа, где было пункт за пунктом изложено церковное вероучение, причем только один из них был принят голосованием на съезде Генеральной Конференции. Первым документом была декларация о вере Урии Смита от 1872 года, вторым - изложение церковного вероучения от 1931 года и третьим - изложение основных библейских доктрин, принятое на съезде Генеральной Конференции в 1980 году». Т.е. символы веры все-таки есть. Причем они носят более-менее «соборный» характер. Но это ведь не все. Издают же адвентисты нечто вроде катехизисов и догматик. Например, часто печатаемая книга «В начале было Слово...» - это что-то напоминающее небольшую догматику. А 12 том комментариев АСД к Библии («Настольная книга по теологии»), изданный совсем недавно – это уже похоже на фундаментальную догматику адвентизма. Не просто же так издаются эти книги! Если адвентисты скажут, что они не являются общеобязательными, и не заменяют Библию, то это мало что изменит. Разве православные считают, что, допустим, известная догматика митрополита Макария заменяет нам Библию, или с ней непременно должен ознакомиться каждый православный? Не обязан православный верить и в непогрешимость догматики митр. Макария – она является просто определенным ориентиром для

православного богословия, что допускает возможность критики ее отдельных положений. И адвентистские догматики выпускаются именно с этой целью – дать ориентир для адвентистской веры. Так что здесь нет никакого отличия от других исповеданий. Другое дело, что соборные символы веры Церкви носят краткий характер и предполагают абсолютно необходимые пункты для веры, совершенная безошибочность которых отражает опыт богообщения Церкви.

И вот тут мы видим самое любопытное: соборные символы адвентизма все-таки не считаются чем-то неизменным – в то время как православный Символ веры именно неизменен, отражая веру Церкви в неизменность божественных догматов христианства. Здесь же мы наблюдаем иное: «что более всего удивляет и что важнее всего в изложении основных доктрин от 1980 года - это преамбула. Эта преамбула начинается с фразы, отражающей адвентистское понимание библейских истин, каким оно было изначально: «Адвентисты седьмого дня принимают Библию как единственный символ веры и придерживаются определенных основных доктрин, считая их учением Священного Писания», и тем самым оставляет место для их возможного пересмотра в будущем. Преамбула завершается следующим предложением в духе тех представлений о динамичности истины для настоящего времени, которых придерживались ранние адвентисты: «Пересмотр этих доктринальных положений может быть осуществлен на съезде Генеральной Конференции, когда Святой Дух ведет Церковь к более полному пониманию библейской истины». Означает ли это, что и сегодня адвентистская истина может быть пересмотрена в самых глубоких своих основаниях? Можно ли, например, сегодня адвентистской церкви отказаться от догмата о Троице, который она с таким трудом «пробила» после десятилетий отрицания? Неужели адвентисты способны пересмотреть свое отношение к высочайшему значению трудов Елены Уайт в своей жизни? Ведь в таком случае адвентизм потеряет всю свою «адвентичность».

И вот тут, если обратиться к самой Уайт, мы увидим, что она совсем не понимала эту готовность пересмотреть доктрины адвентизма как сомнение вообще в любой адвентистской истине. Вот что она писала в 1894 году: «Мы действительно обладаем истиной, и мы должны твердо держаться позиций, которые нельзя поколебать; но при этом мы не должны взирать с подозрением на какой бы то ни было новый свет, который может послать нам Бог, и говорить: нам не нужно другого света, кроме старых истин, которые мы уже получили и в которых утвердились». Стало быть, речь идет о том, что в адвентизме есть абсолютные истины, не подлежащие пересмотру (и статус самой Уайт относится к их числу), но они могут быть дополнены новыми истинами, которые будут сообщены в новом «откровении». Как это совместить с тем, что полнота истины и откровения дана Церкви уже в Писании – не очень понятно. С тех пор Церковь хранит Истину и живет в ней, предлагает новые, более развернутые ее формулировки, обсуждает новые темы богословия (например, клонирование) – но не открывает совершенно новые догматы, которых не было известно в древности, или которые противоречили бы догматам древнего христианства. Тот, кто пытается дополнить христианские истины какими-то новыми истинами, – ищет ложь; те, кто пытаются изменить истины Церкви, чтобы открыть новые, более совершенные истины – открывает только заблуждения.

3.

Для адвентистов в современную эпоху важно подчеркнуть свои протестантские корни. Им уже 160 лет, и времена, когда они подчеркивали в первую очередь свое отличие от других, видимо, прошли. Теперь настало время говорить о сходстве адвентистских «корней» с «корнями» других христиан. Но тут не все так просто. Адвентист Дуглас Фрэнк говорит об этом так: «Однажды я прочитал, об одном первобытном племени, члены которого, когда их спросили, откуда они взялись на том клочке земли, ответили любознательному антропологу, что их предки спустились с неба по лозе. Я рос с очень похожими представлениями о возникновении евангельских церквей. Мы были просто-напросто нынешним воплощением Церкви первого века, несколько видоизмененным, протестантской Реформацией, совсем чуть-чуть, после долгого периода римской тьмы. Но вот откуда именно мы здесь взялись, было скрыто завесой тайны, которую никто как будто и не собирался разгадывать». Г-н Дуглас действительно прав: у всех протестантов проблемы с истоками. Как только спускаешься к истокам христианства от 16 века, века реформации, - и сразу возникает та самая

«завеса тайны» - откуда же появились протестанты? В течение 2-15вв мы не находим никаких протестантских церквей, где можно было бы увидеть целостную реформационную догматику. Что же касается апостольского века – протестанты всех мастей всегда пытались приватизировать его наследие и объявить Церковь I века своей – вот только какой именно: лютеранской, кальвинистской, англиканской, методистской, баптистской или пятидесятнической? Адвентистам тут еще сложнее: претензии на то, что они якобы являются Церковью первого века, только несколько видоизмененной легко разбиваются хотя бы тем, что в I веке уж никак не могло быть 98 томов, написанных американской дамой по фамилии Уайт. Так что всем протестантам ничего не остается, как заявить, что их церковь спустилась с небес – сразу в обход пятнадцати веков «духовной тьмы» и в значительной степени игнорируя действия Бога в истории на протяжении полутора тысяч лет.

У адвентистов здесь все обстоит еще радикальнее, чем у традиционных протестантов. Конечно же, свои истоки раньше периода реформации, они просто не рассматривают, а в этот период видят своих предшественников не в лютеранах или кальвинистах, а в анабаптистах. Ведь те отрицали крещение детей и вообще таинства, имели крайне размытое понятие о Церкви и негативно относились к любым символам веры, кроме Библии. Но одними анабаптистами истоки адвентизма не исчерпываются, - все-таки их отличает от радикальных протестантов 16 века заметно больше пунктов, чем, например, в баптизме. И потому еще один источник для адвентизма Найт видит в реставрационистском движении первой половины 19 века в Америке, целью которого было возродить дух радикальной реформации. Одной из ветвей этого движения была «Христианская связь», к которой принадлежали Джеймс Уайт и Джозеф Бейтс – будущие столпы адвентизма. Кстати, именно оттуда они позаимствовали отрицание догмата о Троице, указывая на то, что в Библии такого слова нет (вполне себе иеговистский аргумент).

Другим источником веры для адвентизма был методизм Джона Уэсли (Елена Уайт была изначально методисткой). Отсюда было позаимствовано отрицание кальвинистского предопределения, подчеркивание свободы избрать или отвергнуть спасение и акцент на освящении. Все это, конечно, в известной степени смягчало протестантскую доктрину о спасении «только верой». Однако от этой доктрины адвентисты и не думали отказываться – просто при этом, кроме статического, пассивного и юридического аспекта оправдания, который был так важен для лютеран и кальвинистов, был добавлен аспект динамический и экзистенциальный – человек освящается благодатью, и сам в этом активно участвует. Жаль, что эта доктрина освящения не была доведена методистами до конца – до полного отрицания концепции гарантированного спасения, *sola fide*. Но антипуританский пафос этой доктрины Уэсли налицо, и он не чужд адвентистам. Можно даже сказать, что через следование этой доктрине адвентисты оказываются «краем уха» связаны с православным наследием. Ведь свое учение об освящении Уэсли выдвинул под впечатлением от чтения св. Макария Великого. При этом, однако, как протестант он отрицал православный аскетизм, и в результате такой акцент на участии свободной воли человека в освящении и достижении совершенства, да еще без должного аскетизма, приводил к слишком большой «раскрепощенности индивида» и слишком быстрому осознанию собственной «святости». Это сказывалось и на богослужении, и на методах «привлечения грешника к покаянию». Потом это выльется в пятидесятничество, которое тоже немало позаимствовало именно из методизма.

Но адвентизм пошел здесь иным путем. И связано это с тем, что пастор Уильям Миллер, один из основателей этого движения, в свое время был деистом, т.е. отрицал чудеса, подчеркивал роль разума в религии и скептически относился к библейскому откровению. Поэтому, даже когда он обратился к более традиционному пониманию христианства в евангельском духе, он делал больший акцент на разум, чем на сердце и эмоции. С тех пор адвентизм следует этому рационалистическому духу, который силен также в баптизме. И потому адвентисты отрицательно относятся к харизматическому движению, делающему упор на иррациональном аспекте, на чудесах. Как рационалист, Миллер повторял неопротестантскую сказку о том, что «Библия трактует саму себя». Оглянемся теперь вокруг и спросим: сколько разных исповеданий этот тезис породил? Найт характеризует его подход: «В своем стремлении заставить Библию истолковывать саму себя Миллер вернулся к реставрационистскому императиву, согласно которому исследователь должен обращаться непосредственно к Библии в обход всякого рода толкователей. Его принципы перекликались также с верой в простого человека, бытовавшей в эпоху президента Джексона, в частности, в его

способность понимать Библию без помощи специалистов. Джосайя Лич (ведущий миллеритский богослов и методистский служитель) так охарактеризовал миллеритский подход к авторитету Библии: миллеризм «дал Церкви и миру простую, ясную, здравую систему толкования священного канона, дабы каждый человек, взявшийся за чтение Библии и сопоставляющий разные ее части, мог понять слово Божье» без помощи ученых авторитетов любого рода». Ясно здесь только одно: толкование Библии индивидуально, без других толкователей – открывает простор всякого рода антицерковному сектантству и греховным искажениям Библии, недооценивает извращение образа Божьего в человеке, когда каждый желающий может заявить, что его толкования Писания истинны, и он не нуждается в голосе Церкви. Кстати, если Библию можно правильно истолковать и без посредников, то зачем тогда «миллеризм»? Есть какая-то злая дьявольская ирония в том, что труды человека, отстаивавшего легкость истинной трактовки Библии «без авторитетов» с помощью рациональных методов, сами становятся таким авторитетом для людей следующих поколений «реставраторов» христианства.

В связи с позицией «отрицания авторитетов» в толковании Библии, тем более странным выглядит статус сочинений Уайт в адвентизме. Любопытно, что толкование этого статуса тоже эволюционировало, и до сих пор с ним остаются неясности. Понятно только, что значение трудов Уайт для каждого адвентиста огромно, и перед ним бледнеют труды любого отца Церкви у православных или любого Папы Римского у католиков. Например, А.Т.Джоунс в конце 19 века практически приравнивал статус произведений Уайт к Библии: «в написанных им чтениях молитвенной недели на 1894 год, озаглавленных «Дары: их присутствие и назначение», он высказал мысль, что единственно «верное использование Свидетельств - это изучение Библии через них». В конце этих чтений он объявил Елену Уайт «непогрешимым» толкователем Библии /../ Вторым заблуждением, которое насаждал Джоунс относительно трудов Елены Уайт, была так называемая вербальная инспирация, а третье состояло в том, что ее труды непогрешимы и безошибочно точны». Как видим, если труды Уайт и не включались в Библию напрямую, то рассматривались фактически как продолжение Слова Божьего, а приписывание им непогрешимости и буквальной богодухновенности (вербальная инспирация) только подтверждает предположение о том, что работы Уайт в своем значении были подняты до «библейской планки».

Конечно, сама г-жа Уайт отвергала такую точку зрения как крайнюю – указывалось на то, что не все сведения, сообщаемые ею, точны в мельчайших деталях, и потому нужно обращаться к Слову Божьему. На ранних этапах она, дескать, допускала ошибки (теория «закрытой двери» и т.д.), но в целом она и в конце жизни не находила никаких фундаментальных ошибок в своих многочисленных опусах – так, если только второстепенные. Для современного адвентизма труды Уайт пусть и не приравниваются к Библии, и им не приписывается полнота библейской богодухновенности или совершенная непогрешимость, но все равно – сестра Уайт остается необходимейшим посредником в понимании Библии и адвентистского учения для церкви АСД. Ее труды все равно сравниваются с трудами библейских писателей, а комментарии к каждой главе новейшей адвентистской догматики (12 том библейских комментариев АСД) - это почему-то цитаты именно из сочинений Елены Уайт. Можем ли мы представить себе православную догматику, где, кроме Библии, цитаты взяты практически только из творений какого-то одного отца Церкви, да еще жившего в 19 веке? Здесь же картина именно такова: любая догматическая истина и по сию пору подтверждается едва ли не исключительно ссылками на работы сестры Уайт.

4.

Как уже отмечалось, долгое время адвентисты отрицали догматы о Троице и божественности Христа. Рассмотрим этот вопрос детальнее. Джошуа В. Хаймс отмечал, что еще в доадвентистский период члены группы «Христианская связь» «уверовали в «единого живого и истинного Бога, Всемогущего Отца, безначального, самосущего и вечного», и что «Христос есть Сын Божий, обетованный Мессия и Спаситель мира». Хаймс называет одного только Отца «безначальным, самосущим и вечным», подразумевая тем самым, что Христос имел начало, был зависим и происхождением Своим был обязан Отцу. Члены «Христианской связи» были склонны считать Святого Духа «силой и энергией Божьей, Его святым влиянием». Что же, вполне арианские взгляды,

от которых не отказались бы и будущие свидетели Иеговы. Правда, возникает вопрос: как Христос может быть Спасителем мира, если Он не является Богочеловеком? Ведь только Бог, ставший Человеком, мог воссоединить божественное и человеческое, разделенные грехопадением.

Как признает Найт, «Джозеф Бейтс, Джеймс Уайт и прочие выходцы из «Христианской связи» привнесли эти взгляды в субботнический адвентизм. Уайт, к примеру, в 1846 году отзывался о Троице как о «старом, небиблейском символе веры», в 1852 году - как о «старой, тринитарианской нелепости, будто Иисус Христос есть самый что ни на есть вечный Бог», а в 1877 году - как о «необъяснимой троице», учение о которой совершенно беспомощно с библейской точки зрения /../ он написал, что «величайший изъян, обнаруживаемый нами в Реформации, состоит в том, что ее деятели остановили свои реформы. Если бы они не остановились на полпути и оставили в прошлом последние рудименты папства, такие как врожденное бессмертие, крещение кроплением, троица и соблюдение воскресного дня, Церковь раньше была бы свободна от небиблейских заблуждений». Вот так – ни больше, ни меньше. Очевидно, вождей адвентизма не убеждала заповедь Иисуса крестить народы «во имя» (не «во имена»!) «Отца, и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28, 19), что ясно говорит именно о Единосущной и Нераздельной Троице. Впрочем, если понимать крещение на неопротестантский манер, как обряд без благодати, всего лишь знак уже состоявшегося спасения, то по большому счету безразлично – крестить во Имя Троицы, или нет. В безблагодатном обряде слова обозначают отсутствие действия Бога по преобразению человеческой природы, это только человеческие мысли о Боге, но Сам Бог не соединен с этими мыслями, речь идет только о спасительном действии Бога в прошлом. Напротив, таинство крещения в православии предполагает духовное возрождение человека Богом, освобождение его от власти греха, облачение нашей искаженной грехом природы в благодатный свет. Слова таинства здесь говорят о присутствии Бога, Бог Своей благодатью присутствует в самих словах – и с такой точки зрения важно именно участие Троицы в нашем спасении: от Отца, через Сына, и в Духе. Отцов адвентизма не убеждали и стихи первой главы Евангелия от Иоанна, где ясно утверждается, что Слово существовало вечно, было равно Богу, а затем стало Человеком. Не убеждало их и то, что уже самая ранняя христианская традиция послеапостольского периода однозначно свидетельствует о божественности Христа (напр., на рубеже 1-2вв, в 7 главе посл. к Траллийцам св.Игнатия Богоносца, читаем предостережение против еретиков: «это удастся вам, если не будете надмеваться и отделяться от Бога Иисуса Христа»). Но поклонники субботы и здесь предпочли видеть «католические» искажения.

Обратим внимание на этот антикатолический пафос раннего адвентизма (а на самом деле – антицерковный): вся история протестантизма демонстрирует нам, как в нем появляются новые и новые группы, которые упрекают прежние протестантские исповедания в «недорестантизме», в оставшихся элементах «папства» и т.д. При этом продолжается «реформирование» христианства и радикализация протестантизма. В этом есть своя логика: уж если папство неправо в теории спасения, в таинствах, в почитании святых, то как оно может быть право в догматах о Троице и божественности Христа, или почитании воскресного дня? Если уж протестанты верят, что многое в католичестве (и вообще в прежнем христианстве) радикально искажено, то надо идти до конца, и объявить сам фундамент этой веры ложным – догмат о Троице, например, или текст Писания. Не случайно, что в протестантизме периодически появляются группы, отвергающие именно догмат о Троице – особенно у радикальных протестантов (антитринитарные группы среди баптистов и пятидесятников). Т.е. «кризис тринитаризма» в церквях реформации - событие предсказуемое. Там же, где догмат о Троице не отвергнут, он больше относится к теоретической, нежели практической плоскости – в Троицу верят как параграф из катехизиса, но не очень часто молятся именно Троице Богу. Всемирное прославление Троицы в богослужении как бы «приглушено». В этом смысле неопротестанты теоретически верят в Троицу, но практически являются арианами, т.к. их понимание таинств и христианской жизни отвергает соединение с Богочеловеком Христом во Святом Духе, обожение; они сводят христианство практически только к моральным запретам, но это есть и в иудаизме, и в исламе, где вера в Троицу и божественность Христа отсутствует. Зато христианство «очищено от папства».

Пределом этого «очищения христианства от католических (соборных, вселенских – так ведь изначально понимался этот термин) искажений» неизбежно будет фактический отказ от Нового Завета и возвращение к Завету Ветхому. И это лишний раз доказывает, что не только христианство

святых отцов, но и христианство Нового Завета – это плод жизни Церкви во Христе. Как только подвергается резкой критике христианство 2-15вв, так сразу же под угрозой оказывается и сам Новый Завет – в той или иной степени. Мы видим это в раннем адвентизме – субботничество, пищевые запреты, отказ от веры в Троицу, отказ от божественной природы Христа. – это уже напоминает иудаизм, и должно быть названо в лучшем случае, - иудеохристианством. Вера в Его искупительную миссию все же сохраняется, но в значительной мере ослабляется вышеназванными «особенностями». Свидетели Иеговы идут еще дальше, и отказываются от традиционных переводов Нового Завета – тем самым, разрыв с основами евангельской веры фактически совершен. Адвентисты же остановились на полпути – они сохранили все же сам Новый Завет, а затем и начали движение к принятию отвергнутых было догматов о Троице и Христе. Иеговисты (и ранние адвентисты) имеют все основания упрекнуть их в наличии «рудиментов папства».

Однако и в конце 19в адвентизм был еще далек от принятия Троицы. Например, в 1890 году Урия Смит писал: «Что касается этого Духа, то Библия использует по отношению к нему выражения, которые никак не согласуются с идеей, будто он есть личность, подобная Отцу и Сыну. Скорее он показан как Божественное влияние, от Них исходящее, как средство, олицетворяющее Их присутствие и позволяющее Им властвовать над всей Вселенной, где Они не присутствуют лично» . Еще через год Смит охарактеризовал Святого Духа как «загадочное производное, через которое Они [Отец и Сын] осуществляют Свою великую и непостижимую работу» . Ранее этот столп адвентизма писал, что Христос был «первым сотворенным существом, появившимся на свет задолго до любого другого одушевленного или неодушевленного творения». В 1898 году, когда вышла в свет книга Уайт «Желание веков», он все еще держался еретических воззрений на природу Христа: «Только Бог не имеет начала. В эпоху столь древнюю и отдаленную, что для смертного ума это все равно что целую вечность назад, появилось Слово». Читая это, чувствуешь, что как будто старое, древнее арианство восстало вновь, и из четвертого века перепрыгнуло в девятнадцатый. Тем не менее, начиная со Смита и особенно Э.Дж. Ваггонера, происходит определенный поворот в сторону более традиционных представлений об Иисусе. Смит все же допускал, что Христос был рожден в результате некоего божественного импульса или процесса, но не сотворен: аналогичные взгляды были и у Ваггонера: «он отмечал, что «все сущее в конечном итоге имеет источником Бога Отца; даже Христос произошел и исшел от Отца». Как и Смит впоследствии, Ваггонер избегал называть Иисуса сотворенным существом. Он не говорил, что Христос появился в результате «некоего божественного импульса или процесса», но утверждал, что Христос был «рожден, а не сотворен» (Christ and His Righteousness, 21, 22, 19, 9). С другой стороны, Ваггонер твердо выступал за то, что «Христос по праву занимает положение, равное Отцу» (там же, с. 19). По всей видимости, он верил, что Христос равен Богу во всем, за исключением предвечного существования. Таким образом, подобно большинству первых адвентистских руководителей, он исповедовал полуарианские взгляды, считая, что Христос все-таки не был в точности как Бог, хотя и в одном этом аспекте».

Это действительно уже напоминает движение от арианства к ортодоксии, но отрицание полного равенства Сын Отцу, а также не очень ясные высказывания о происхождении Сына, оставляют эти взгляды за пределами церковного учения. К тому же, дело осложнилось тем, что Ваггонер вдруг стал проповедовать взгляды, близкие к пантеистическим: «Пантеистические идеи Ваггонера стали вполне очевидны уже во время сессии Генеральной Конференции 1897 года. «Бог сказал, - вещал он делегатам, - и вот Слово Его явилось деревом, или травой». «Вот Бог ваш, - отмечал он пять дней спустя. - Где? Во всем, что Он сотворил... В этой травинке бесспорно явила себя замечательная сила. Но что это была за сила? Его собственная жизнь, Его личное в ней присутствие» (Бюллетень Генеральной Конференции 1897 года, с. 34, 86, 87). На сессии 1899 года, проповедуя на тему о «воде жизни», Ваггонер утверждал, что «человек может обрести праведность в омовении, если знает, откуда взялась эта вода» (Бюллетень Генеральной Конференции 1897 года, с. 80). В его книге Glad Tidings (1900) нашли отражение схожие мысли. «Солнечный свет, который нам светит, воздух, который мы вдыхаем, пища, которую мы едим, и вода, которую мы пьем, - все это проводники, по которым к нам поступает жизнь. Жизнь, которую они нам сообщают, есть не что иное, как жизнь Христа, ибо Он есть жизнь, и потому мы постоянно имеем перед собой и внутри себя свидетельство, что в нас может жить Христос» (с. 92)» . Понятно, что такого рода искажения христианства, когда прием любой пищи рассматривается чуть не как причастие Христу, вряд ли

могли способствовать лучшему восприятию идеи равенства Сына Божьего Отцу, к которой Ваггонер вроде бы склонялся.

Разумеется, по мнению Джорджа Найта, только Елена Уайт направила адвентистов на путь истинный (вспоминается, как в советское время высказывалась точка зрения, что только Ленин «вправил мозги» большевикам и определил их курс на социалистическую революцию). Он описывает это так: «Не взяв на себя определяющую роль в доктринальном оформлении основополагающих адвентистских истин в 1840-х годах, она, тем не менее, помогла своим собратьям осознать изъяны в их богословских представлениях в 90-х. С другой стороны, она никогда не выдвигала каких-либо конкретных доводов по вопросам о Троице, о полном равенстве Христа с Богом и о Личности Святого Духа. В ее трудах эти истины как бы подразумевались. Со временем адвентисты стали исследовать эти исходные послышки. В течение первых четырех десятилетий двадцатого века они вели непрекращающиеся библейские исследования в поисках ответов на вопросы, связанные с природой Божества. Прежде чем приступить к оценке вклада Елены Уайт в адвентистское понимание Божества, мы должны отметить, что в отличие от своего мужа и большинства прочих церковных руководителей на заре адвентизма она не делала однозначных антитринитарианских или полуарианских утверждений до 1890-х годов. Как, впрочем, и не противоречила руководителям движения в открытую. Ее ранние высказывания были достаточно неоднозначны, их можно было истолковывать и так, и этак. Так что переосмысление этих истин с ее стороны было скорее прояснением, а не полным отказом от прежних позиций. Елена Уайт по достоинству ценила тот акцент, который Джоунс и Ваггонер делали на Божественности Христа (см. Свидетельства для проповедников, с. 92). И Джоунс, безусловно, был близок к тому, чтобы сформулировать учение о Троице в 1899 году, когда написал, что «Бог един. Иисус Христос един. Святой Дух един. Их трое, и Они едины: нет между Ними ни разлада, ни разделения» {Ревью энд Геральд, 10 января 1899 г., с. 24}. И все-таки именно Елена Уайт задала направление, в котором шло полное преобразование адвентистского мышления по вопросам, связанным с Троицей, между 1888 и 1950 годами. Хотя в ее трудах и не встречается такое слово, как «Троица», она, тем не менее, говорила, что «есть три живые Личности небесного Трио... Отец, Сын и Святой Дух» (Евангелизм, с. 615). В 1901 году она писала о «вечных небесных Властителях - Боге, Христе и Святом Духе» (там же, с. 616)».

Не подлежит сомнению, что Найт как адвентист будет давать в данном вопросе толкования, выгодные для Елены Уайт. То, что она несколько десятилетий молчала, когда весь свет адвентистской церкви высказывался против Троицы и божественности Иисуса, скорее доказывает не ее смирение, а то, что либо она разделяла взгляды этого адвентистского арианства, либо не считала это арианство каким-то жестким препятствием для спасения. Ведь догматы о субботе и небесном святилище оставались в неприкосновенности все эти годы. Да и вера в смертность души тоже была вне сомнений. В свое время св. Афанасий Великий ставил вопрос иначе: либо арианство, либо вера в Троицу и божественность Христа, и возможность спасения души. Он предпочел ссылку за веру в Троицу, чем молчание и неопределенность в течение десятилетий. Учитывая то огромное влияние, которым обладала Елена Уайт в адвентизме, она наверняка высказалась бы по вопросу о Троице ранее 90-х годов 19 века, если бы считала, что это необходимо для спасения. Но: молчание – знак согласия? Странно и то, что даже высказываясь в пользу тринитарного догмата, Уайт так и не употребляла само слово «Троица». Заметим также, что Джоунс, который одним из первых в адвентизме провозгласил веру в Троицу и в свое время утверждал непогрешимость трудов Уайт, впоследствии присоединился к недавно возникшей церкви пятидесятников. Осмелимся предположить, что акцент на вере в Троицу, который Уайт сделала в конце 19 века (ей уже было 70 лет), объясняется не тем, что якобы только она одна из всех адвентистов была верна этому традиционному христианскому догмату (Найт сам признает, что из ее текстов это нельзя однозначно доказать) и не тем, что она получила новое «откровение», призывающее вернуться к Троице, а просто логикой и рассудительностью: видимо, г-жа Уайт поняла, что адвентизм будет лучше воспринят американским обществом, если он будет меньше отличаться от более традиционных протестантских конфессий (напр., баптизм). В этом смысле вера в Троицу делала адвентизм более уважаемым и менее изолированным от остальных христиан. Это уже не какая-то там «секта», а просто новая протестантская группа, вполне в духе американского евангелизма, но – сохраняющая

свою специфику (поскольку отказ от субботы и прочего просто растворил бы адвентизм в окружающем протестантизме). Т.е. заслуга Уайт здесь в том, что она таким образом делала адвентизм более приемлемым для не-адвентистского мира. Но при этом адвентизм сохранял свою индивидуальность.

Интересно, что даже когда Уайт стала проповедовать веру в Троицу, это вызвало шок в среде адвентистского истеблишмента: «Эти слова произвели в адвентистской среде эффект разорвавшейся бомбы, застав многих врасплох. Одним из таких адвентистов был молодой проповедник по имени М. Л. Андреасен. Он был в полной уверенности, что на самом деле она этих слов не писала, что их, должно быть, добавили ее редакторы и помощники. В конце концов, он испросил у Елены Уайт разрешение прочесть ее рукописи. Она с радостью открыла ему доступ к своему архиву. Впоследствии он вспоминал: «Я прихватил с собой целый ряд цитат, подлинность которых хотел проверить по ее рукописным материалам. Я помню, как все мы были удивлены, когда впервые вышло в свет Желание веков, ибо в этой книге мы нашли такое, о чем и помыслить даже не могли, и среди прочего - учение о Троице, которого в те времена адвентисты в массе своей не принимали» /.../ „Христос обладает жизнью - самобытной, незаимствованной, изначальной"... Эту утверждение, может быть, и не звучит для вас столь уж революционно, - поведал он своим слушателям в 1948 году, - но для нас оно звучало именно так. Мы не верили своим глазам... Я был уверен, что сестра Уайт не писала» этот отрывок. «Но затем я отыскал его, написанный ею собственноручно, - в том самом виде, в каком он и был опубликован» (Андреасен М. Л.. Рукопись от 30 ноября 1948 г.)». Так что действительно – этими утверждениями Уайт произвела революцию в адвентистском стане.

5.

Естественно, если люди отвергают веру в Троицу и божественность Христа, то, даже продвигаясь в сторону более ортодоксальных воззрений на эти вопросы, они постоянно склонны срываться в пропасть ереси. Например, Ваггонер и Джоунс, которые двигались в сторону признания полной божественности Христа, тем не менее, склонялись к идее, что Христос при воплощении воспринял человеческую природу, такую же греховную, как и у нас: ««У нас с вами, - утверждал Джоунс, - нет ни единой склонности ко греху, которой не было бы у Адама, когда он сделал шаг за пределы Едемского сада». Христос при воплощении воспринял нашу плоть со «всеми наклонностями ко греху, которые есть у вас и у меня... Все греховные наклонности, свойственные для человеческой плоти, были и в Его человеческой плоти», и все же «ни одной из них не было позволено проявить себя; Он победил их всех». Таким образом, если верить Джоунсу, Иисус родился таким же, как и любой другой ребенок, - то есть с греховными наклонностями. С другой стороны, Он прожил жизнь без греха. По сути, Он показал Вселенной, что люди могут побеждать грех в человеческой плоти. Иисус служит примером в этом для каждого христианина. По словам Джоунса, «в Иисусе Христе, облекшемся в греховную плоть, Бог показал Вселенной, что Он может так возобладать над греховной плотью, чтобы в ней проявлялось Его присутствие, Его сила и Его слава и никак не проявлял себя грех. А для этого только и нужно, чтобы человек позволил Господу овладеть им, как это было в свое время с Господом Иисусом»».

Признание греховных наклонностей в природе Христа представляет собой тенденцию к несторианству. Казалось бы, Библия, указывая на непорочное девственное зачатие Иисуса от Пресвятой Марии, ясно утверждает, что Христос был без первородного греха. Тот, Кто пришел спасти нас от греха, Сам должен был быть без жала греха в Своей природе; Тот, Кто сошел с небес для того, чтобы освободить нас от сатаны, Сам был свободен от него – внутри Спасителя не мог звучать голос дьявола, как у нас: поэтому враг рода человеческого искушает его исключительно извне. Т.е. Христу не нужно была освобождать Самого Себя от дьявола – Он отражает его удары извне и освобождает от сатаны всех остальных, но не Себя. Адвентистам, однако, Церковь и Библия в этом вопросе не были указанием, и они предпочитали верить, что сначала Христос победил грех в Себе, а уже потом – в других. Конечно, такая позиция унижает Его божественность и делает Его зависимым от власти дьявола – раз Он родился с первородным грехом; как Ваггонер и Джоунс увязывали такую доктрину с непорочным зачатием, смысл которого именно в освобождении от первородного греха – совершенно не ясно. Или, быть может, они полагали, что Христос был без

первородного греха, а только с греховными наклонностями, которые свойственны потомкам Адама? Но и такая точка зрения все равно еретична, ибо Писание слишком ясно говорит об отсутствии пятен греха на человеческой природе Иисуса. И потом, утверждение Джоунса, что Христос имел природу, такую же, как у потомков Адама, заставляет думать, что и первородный грех также в ней присутствовал.

И снова Елена Уайт противопоставила этому вполне ортодоксальный взгляд. Она заявила (во 2 томе «Свидетельств», что Христос подобен нам в наших немощах, но не в наших страстях. Этим как будто подразумевалось, что у Христа нет греховных наклонностей. Джоунс пытался возражать: «Чтобы выйти из затруднительного положения, он провел различие между плотью Христа и Его сознанием. «Если говорить о том, что у Христа не было „подобных нашим страстей“, - говорил он, - то во всем Писании сказано, что Он подобен нам и с нами по плоти... Не заходите слишком далеко. Он был рожден в подобии плоти греховной; но не в подобии греховного разума. Не впутывайте сюда Его сознание. Его плоть была, как наша плоть, но разум Его был полон „чувствованиями Христа Иисуса“... Если бы Он воспринял и наш разум, то зачем тогда апостолу нужно было бы увещевать нас: „В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе“? Наши помыслы и так были бы таковы. Но в каком они состоянии? О, они испорчены грехом» (Бюллетень Генеральной Конференции 1895 года, с. 312, 327)». Это уже, по сути дела, компромисс между прежней, квазинесторианской точкой зрения, и ортодоксальной: оказывается, разум Христа безгрешен, а греховна только плоть. Безгрешный разум побеждает греховную плоть – вполне рационалистический взгляд на вещи. Не говоря уже о том, что такой взгляд разрывает человеческую природу Христа на две части – безгрешную и разумную, и - грешную и материальную. Чувствуется привкус платонизма: если идеальное, то благо, а если материальное, то тьма и зло. Конечно, эту позицию тоже нельзя оправдать ни Библией, ни историей христианской мысли.

Итак, Елена Уайт, в отличие от Джоунса, склонялась к более ортодоксальной точке зрения. Найт приводит следующие цитаты: «в 1898 году она писала, что «мы будем не правы, если повторим вслед за многими [включая Джоунса, Ваггонера и Прескотта], что Христос был, как все дети... Его склонность к добру была постоянным утешением для Его родителей... Он был образцом, к которому должны стремиться все дети... Никто, глядя на это детское лицо, светящееся оживлением, не мог сказать, что Христос был, как прочие дети» (Молодежный руководитель, 8 сентября 1898 г., с. 704, 705). Она даже высказалась о том, чем именно, по ее мнению, другие дети отличались от Иисуса. Она указывала, что дети не обладают «врожденной наклонностью» «совершать служение для Бога» и что у них присутствует «влечение ко злу» (Советы родителям, учителям и учащимся, с. 20; Воспитание, с. 29). Тогда как Христос, как мы отмечали выше, имел «склонность к добру». Посему у Него не было тех греховных наклонностей, которые наследуют все прочие дети Адама. Елена Уайт временами проводила вполне определенную грань между Христом и другими людьми. В 1890 году, к примеру, она писала, что Христос «воспринял природу не ангельскую, но человеческую, во всем такую же, как у нас, только без тени греха... Его смертная природа была чистой и беспорочной... Мы не должны предаваться грубым, приземленным помышлениям и думать, по превратности ума своего, будто у Христа была склонность поддаваться сатанинским искушениям, ослабившая Его человеческую природу, и Он был подвержен тем же греховным, испорченным страстям, что и человек... Христос облекся в нашу природу, падшую, но не растлившуюся» (Рукопись 57, 1890)».

Действительно, эти высказывания похожи на вполне традиционную христологию. Но речь не идет о новом откровении от Бога, которое получила Уайт, что позволило ей как «адвентистскому Моисею» направить адвентизм по верному пути после 40 лет блужданий по египетской пустыне антитринитаризма и арианства. Все прозаичнее. Найт сам указывает источники, повлиявшие на богословские мысли Уайт: «Чтобы понять, что именно имела в виду сестра Уайт, когда говорила о страстях и наклонностях, будет не лишне посмотреть, каким смыслом наделял эти термины один из авторов, к чьим трудам она обращалась, когда готовила свои материалы о воплощении Христа. Генри Мелвилл был одним из любимых писателей Елены Уайт. В их трудах есть много точек соприкосновения. В Фонде литературного наследия Елены Уайт есть экземпляр Проповедей Генри Мелвилла, сплошь испещренный ее пометками. Тим Пуарье, сотрудник фонда, проанализировал, как она использовала его мысли в своих книгах. Его проповедь «Унижение человека Христа Иисуса» особенно поможет нам понять и разрешить мнимые противоречия в высказываниях Елены Уайт о

человеческой природе Христа. Согласно Мелвиллу, у грехопадения было два основных следствия: 1) «невинные немощи» и 2) «греховные страсти». «Под „невинными немощами", - пишет Пуарье, - Мелвилл подразумевает такие вещи, как голод, боль, слабость, скорбь и смерть. „У провинности есть следствия, которые совершенно безвинны. Грех породил боль, но сама по себе боль - не грех". „Греховными страстями"... Мелвилл называет предрасположенность или „склонность" ко греху. Подводя итог своим рассуждениям, Мелвилл утверждает, что до грехопадения у Адама не было ни „невинных немощей", ни „греховных страстей", с которыми рождаемся мы ныне, и что Христос воспринял первое, но никак не второе». Т.е. традиционная христология была заимствована из классического протестантизма. Видимо, сестра Уайт и здесь придерживалась логики, что возвращение к традиционному учению о Христе сделает адвентизм более привлекательным для окружающих. В данном случае различение «безгрешных немощей» и «греховных страстей», из которых Иисус воспринял только первые, заставляет вспомнить уже не о протестантской христологии, а об учении святых отцов Церкви.

Отметим, что даже несмотря на такое явное утверждение ортодоксальной христологии Еленой Уайт, долгое время она не принималась полностью адвентистским сообществом. Найт констатирует, что «М. Л. Андреасен принял эстафету у Джоунса, Ваггонера и Прескотта и продолжал развивать их христологию на протяжении 30-х и 40-х годов прошлого века. Другое направление оставалось в тени в адвентистском богословии, пока в середине 1950-х годов исследователи не обнаружили письмо Елены Уайт к Бейкерам и не стали изучать ее разрозненные высказывания на эту тему в их совокупности». Стало быть, до середины 50х (адвентизму тогда было уже более ста лет) христология адвентизма предполагала, что Христос роидлся с такой же греховной природой, как и наша. Неужели это только потому, что вовремя не нашли письмо Уайт к Бейкерам, где она развивает традиционные взгляды на Христа? И что было бы, если бы это «ортодоксальное письмо» так и не было найдено – мы имели бы сегодня другое учение о Христе в адвентизме?

6.

Найт отмечает, что в период с 1919 по 1950 год в адвентизме «все-таки» предпринимались попытки придать ему более христианский облик (значит, до этого у него был не совсем христианский облик? Вообще говоря, эти попытки напоминают поиски «социализма с человеческим лицом»). Это смиренное «все-таки» требует разъяснений. Например, адвентизм двигался в сторону принятия учения о Троице, но – движение это было довольно противоречивое. В частности, на конференции 1919 года разгорелись бурные дебаты по этому вопросу: «6 июля после полудня состоялась большая дискуссия на эту тему с участием таких известных людей, как У. У. Прескотт, Х. Ч. Лэйси и У. Т. Нокс, где они высказывались в пользу Троицы и предвечного существования Христа (Материалы библейской конференции 1919 года, 6 июля, с. 51,52, 56, 62,63), а их оппоненты отстаивали прежние взгляды. «Я не в состоянии принять так называемое учение о Троице, - заявил тогда Л. Л. Кавинесс. - Я не могу поверить, что две личности Божества равны, Отец и Сын... Я не могу поверить в так называемое учение о Троице как о трех вечных личностях» (там же, с. 56, 57). Делегаты так разгорячились в ходе обсуждения, что Даниэльсу пришлось вмешаться в попытке успокоить страсти. Позже в тот же день он косвенно признал, что верит в Троицу и предвечное бытие Христа, поведав, что у него как будто пелена спала с глаз, когда он прочитал Желание веков и решил исследовать, как эти вопросы освещены в Библии. Но дабы не дать делегатам повода для излишних волнений, он заявил, что «голосования по поводу тринитариянства или арианства никто сейчас устраивать не будет». Впрочем, эти слова не возымели должного воздействия. Делегаты не успокоились. И тогда президенту Генеральной Конференции пришлось взять слово в третий раз. «Давайте не будем накалять страсти, - сказал он. - Не нужно давать повод консерваторам думать, будто грядут кардинальные перемены, а прогрессистам - переживать, что так ничего и не произойдет». Затем он предложил всем делегатам успокоиться и, сохраняя приподнятый дух, поделиться друг с другом тем светом, который у них есть по этому вопросу». Отсюда можно заключить, что и в 1919 году «согласия в товарищах» не было. Согласия не было настолько, что вопрос о Троице даже побоялись ставить на голосование: вдруг большинство проголосует против? В любом, случае, опасность раскола была неминуемой. Заметим, что консерваторы и ортодоксы здесь –

это представители «старого» адвентизма, а прогрессисты – это те «новаторы», кто все-таки выступал за тринитарный догмат. Как все смешалось в доме Облонских!

К 30м годам ситуация все больше изменялась в пользу всеобщего признания Троицы адвентистами. Но и тут все было далеко не безоблачно: «С одной стороны, Церковь впервые выпустила в свет изложение своих доктрин в своем Ежегоднике за 1931 год. Оно было однозначно тринитарианским. С формальной точки зрения этот свод доктрин официального статуса не имел, но он явно указывал то направление, в котором решило идти руководство Церкви. С другой стороны, Дж. С. Уошборн, по-прежнему споривший с Прескоттом ... обвинял того в том, что он якобы не настоящий адвентист, потому что верит в Троицу. По утверждению Уошборна, относящемуся к 1940 году, «эта безобразная доктрина, привнесенная в римскую папскую церковь из язычества, стремится застолбить себе место среди учений вести третьего ангела». «Единая Троица, - утверждал он, - совершенно чужда всем учениям Библии и Духа пророчества. В откровении нет на нее ни единого намека. Этой ужасной языческой концепции нет места в свободной Вселенной нашего Блаженного Небесного Отца и Его Сына» (J. S. Washburn, Manuscript, «The Trinity»). Президент одной из местных конференций был настолько впечатлен этой статьей Уошборна, что заказал по экземпляру для каждого из своих служителей. Но в 1940-х годах адвентизм уже вышел за рамки тех взглядов, которые так упорно отстаивал Уошборн. Это стало очевидным, когда возникла нужда в переиздании книги Урии Смита *Daniel and the Revelation*. В марте 1942 года состоялась встреча администраторов Генеральной Конференции и руководителей северо-американских адвентистских издательств, на которой было принято решение, что большинство ее глав должно остаться в том виде, в котором написал их Смит, но в некоторые нужно внести определенные изменения. Среди прочего речь шла о вымарывании некоторых антитринитарных и полуарианских высказываний, поскольку «наш комитет убежден, что данное учение не находит подтверждения ни в Библии, ни в трудах Духа пророчества». Но из уважения к тем, кто придерживался иных взглядов, этот же комитет впоследствии решил, что «будет лучше вовсе изъять из книги эту тему, без комментариев, и оставить данный вопрос открытым для бесприпятственного изучения всеми желающими»».

Т.е. даже в 40е годы все было далеко от однозначного принятия веры в Троицу. Адвентистский богослов мог называть поклонение Троице ужасным язычеством, - и его не только не отлучали от церкви, но и находилось немало сторонников подобных взглядов. Попробуйте представить себе такую ситуацию у православных, католиков, да и в большинстве протестантских общин. И все же, общий курс клонился в сторону тринитаризма, и потому «отца адвентистской церкви» Урию Смита собирались издавать с купюрами. При этом, однако, демонстрировалось странное уважение к тем, у кого были иные взгляды на Троицу. В других христианских исповеданиях такого «уважения» не встретишь – разве что в очень либеральных кругах. И еще: можно ли представить, чтобы православные издали св.Василия Великого или св.Иоанна Златоуста с купюрами? Или все дело в том, что отцы Церкви не противоречат взглядам нынешнего православия, как отцы адвентизма – адвентизму современному? Другие исправления, касающиеся воззрений на Христа, были внесены в прежний адвентизм примерно в это же время. Речь шла о популярной комментированной Библии для домашнего чтения.

По словам Найта, «во всех изданиях этой книги с 1915 по 1949 годы было два недвусмысленных утверждения о греховной природе Христа, то есть высказывалась точка зрения, которую другие христиане считали неприемлемой. В этой широко распространенной адвентистской книге не только говорилось о том, что Христос облекся в «греховную плоть», но и утверждалось, что Он имел «греховную, падшую природу» и был рожден с «наклонностями ко греху» (1915 ed., 174). В 1949 году издательство «Ревью энд Геральд» обратилось к Д. Е. Ребоку, президенту церковной семинарии, с просьбой переработать Bible Readings. Из нового издания были удалены упоминания о греховной природе и греховных наклонностях, и отмечалось: в какой степени Христос подобен нам, «остаётся тайной воплощения, которую людям разрешить невозможно» (1949 ed., 121). Эти довольно существенные изменения не вызвали на тот момент шквала критики, однако этот шквал поднялся ближе к концу 1950-х годов. Андреасен и его единомышленники в то время истолковали их как часть заговора, призванного опрокинуть традиционный адвентизм. Один из богословов, изучавших этот вопрос, подметил, что в период с 1940 по 1955 годы слова «греховный» и «падший» в отношении человеческой природы Христа стали исчезать из выпускаемых Церковью печатных

материалов»». Обратим внимание, что и здесь все было сделано довольно мягко: сторонники «греховной природы» Христа не были отлучены, а ортодоксальная точка зрения на человечество Христа не была прямо проповедана. Просто исключили прежнюю, несомненно еретическую точку зрения, а вместо нее появилась довольно туманная в данном случае фраза о «тайне воплощения» - трактуй, как хочешь. Все гениальное просто – «прежние слова» стали исчезать! Видимо, адвентисты боялись бурных дискуссий и расколов в собственной среде, ибо прекрасно понимали, что далеко не все, особенно из старшего поколения адвентистов, примут эти «новации». Как же – опрокинули традиционный адвентизм!

7.

Усилия адвентистов по принятию догматов о Троице, а также о божественности и безгрешности Христа, не прошли даром. В 1956 году в пресвитерианском журнале *Eternity* появилась статья Дональда Грея Барнхауза с характерным названием «Являются ли адвентисты седьмого дня христианами?». Пообщавшись с тогдашними руководителями адвентистской церкви, которые придерживались уже «обновленных взглядов», Барнхауз пришел к выводу, что адвентисты все-таки являются христианами: «Мы рады отдать дань справедливости оклеветанному сообществу искренних верующих и в сознании своем и сердцах своих исключить их из числа явных еретиков, таких как свидетели Иеговы, мормоны и приверженцы «Христианской науки», признав их за искупленных братьев и членов Тела Христова» (*Eternity*, September 1956, 4S)». Т.е. делается однозначный вывод, что адвентисты седьмого дня – не какие-то там сектанты, а «нормальные», «спасенные» христиане. При этом Барнхауз по-видимому не обратил внимание на такие «мелочи» в учении адвентизма, как почитание субботы, отрицание смертности души и вечности ада, доктрина небесного святилища. Быть может, он полагал, что эти доктрины на спасение не влияют? У протестантов ведь догматическое сознание всегда немного размыто. Тем не менее, первая ласточка прилетела.

Уолтер Мартин, американский сектовед (баптист), также был привлечен к исследованиям об «ортодоксальности адвентизма». Изучив их литературу, он особенно отметил четыре основные проблемы: 1) о том, что искупление Христово не завершилось на кресте; 2) о том, что спасение есть плод благодати в совокупности с делами закона (важный вопрос для протестанта, ведь тогда получалось, что адвентисты не совсем верят в спасение исключительно по вере как бы «добавляют» к вере дела); 3) о том, что Господь Иисус Христос был творением, а не существовал от вечности; 4) и о том, что при воплощении Он стал причастен греховной, падшей человеческой природе. 1, 3 и 4 вопросы могли бы задать адвентистам и православные. Интересно, что вопросов о Троице Мартин не задавал – может, ему были доступны только те адвентистские издания, где вера в Троицу не отрицалась? Как бы там ни было, но сегодня Найт честно признает, что тогдашние лидеры адвентизма (Фрум, Андерсон и другие) «были не совсем искренни, когда убеждали Мартина и Барнхауза в том, что «подавляющее большинство адвентистов никогда не придерживались этих несостоятельных взглядов» (там же, с. 274). По словам того же Барнхауза, получившего от этих адвентистских лидеров сведения о взглядах Церкви на человеческую природу Христа, «большинство членов Церкви всегда считали [Его человеческую природу] безгрешной, святой и совершенной, несмотря на то, что некоторые адвентистские авторы время от времени выступали в печати с противоположными взглядами, противоречившими мнению Церкви в целом». Именно в этом контексте Фрум и его коллеги говорили о «крайнем крыле» и «безответственных деятелях» адвентизма (*Eternity*, September 1956, 6). Исторические исследования, однако, свидетельствуют, что в вопросе о человеческой природе Христа все было как раз наоборот, как, впрочем, и с учениями о полном искуплении и предвечном бытии Христа». То есть для того, чтобы предстать «адвентизмом с христианским лицом», руководству АСД пришлось слукавить перед богословами «евангелического» протестантизма. Ведь неортодоксальных взглядов на человеческую природу Христа придерживалось большинство адвентистов прошлого, а не какие-то отдельные «безответственные деятели». Или теперь, в соответствии с новой политикой, столпы адвентизма должны были быть объявлены «безответственными»? Конечно же, нет! Эту логику Барнхаузу, разумеется, не сообщили.

В опубликованной в 1960 книге об адвентизме У. Мартин делал вывод, что адвентисты, безусловно, христиане, а не приверженцы нехристианского культа. С другой стороны, он указал на некоторые моменты, которые посчитал заблуждениями и слабыми местами в адвентистском богословии. Конечно, это можно было расценить как «реабилитацию» адвентизма в евангелических кругах Америки. Но не все так уж хорошо: «Между тем далеко не все в консервативном протестантском лагере были воодушевлены книгой Мартина. Такие авторы, как Норманн Ф. Доуги в своей книге *Another Look at Seventh-day Adventism* (1962), утверждали, что Мартин и Барнхауз были слишком великодушны и что адвентизм отошел от учений Слова Божьего, свойственных историческому христианству. В том же духе высказался и Герберт С. Берд в 1961 году, назвав адвентизм «серьезным искажением Евангелия» (*Theology of Seventh-day Adventism*, 130). Барнхауз предпослал книге Мартина свое предисловие... он категорически подчеркнул, что «истинными членами тела Христова следует считать только тех адвентистов седьмого дня, кто следует за Господом тем же путем, что и церковные руководители, сформулировавшие для нас позицию адвентистской Церкви» (с. 7). То есть, по мнению автора, некоторые адвентисты все еще относились к категории нехристианских культов». Вот это уже серьезнее – видимо, почтенные американские евангелики поняли, что к чему, пообщавшись не только с руководством АСД, но и ознакомившись с трудами «настоящих старых адвентистов». Понял это и Барнхауз. Если хотите, из этого можно вынести урок относительно всевозможных «официальных экуменических встреч»: на уровне официального руководства все стремятся быть добрыми и ортодоксальными, заявляя, что они всегда верили примерно так же, как и ваше исповедание, и только детальное знакомство с трудами богословов данной конфессии, позволяет понять, действительно ли верны эти декларации.

Тут стоит сказать, что в 1957 году адвентистское руководство выпустило в свет книгу *Questions on Doctrine* в качестве полуофициального ответа на вопросы, поднятые Мартином и Барнхаузом. В ней было сделано ударение на двух вопросах - полном искуплении на кресте (что, казалось бы, противоречило одному из основных пунктов адвентистского вероучения с 1845 года, согласно которому День очищения (искупления) начался в октябре 1844 года) и рождении Христа с безгрешной человеческой природой. Именно эта книга пыталась официально представить евангелическому миру Америки «добрый, хороший и ортодоксальный» адвентизм. И потому, основываясь на ней, был сделан несколько поспешный вывод, что адвентизм – это вполне традиционное христианство, но с некоторыми «зигзагами». Но на самом деле, в реальности все было далеко от такой благостности – в самом адвентизме эта книга вызвала бурю. Лидером этой группы стал не кто иной, как М. Л. Андреасен, некогда наиболее влиятельный адвентистский богослов, близкий в свое время к Елене Уайт (хотя и расхворавшийся с ней в ряде вопросов), а ныне причисленный к «крайнему крылу» в ходе диалога с евангеликалами в 1955-56 годах. Реакция Андреасена на *Questions on Doctrine* и ряд статей в журнале *Ministry* в поддержку «нового» богословского мышления нашла отражение в его *Letters to the Churches*. С точки зрения Андреасена, книга *Questions on Doctrine* была продиктована стремлением адвентистского руководства угодить евангеликалам и представляла собой предательство по отношению к историческому адвентизму. Мы полагаем, что Андреасен был прав – новации в адвентистском богословии были настолько обширны, что он без труда доказывал, насколько это противоречит «старому, доброму» адвентизму – «согласие отцов» адвентизма было явно на его стороне, пусть даже поздняя Елена Уайт выбивалась из этой стройной картины. Но ведь есть еще другие труды Уайт!

Найт описывает этот бунт следующим образом: ««Никто, - подчеркивал Андреасен в своей книге *Letters to the Church*, - не может утверждать, что доверяет Свидетельствам, и верить при этом в новую теологию, согласно которой Христос был свободен от человеческих страстей. Либо то, либо другое. Наша Церковь стоит ныне перед выбором. Принять учение, изложенное в *Questions on Doctrine*, значит отказаться от веры в Дар [труды Елены Уайт], которым Бог наделил Свой народ... Меня наполняет глубокая скорбь, когда я вижу, как разрушаются столпы [адвентизма]» (там же, с. 10, 18). /.../ Агрессивные выступления Андреасена против Церкви заставили руководство лишить его служительского звания и изъять его книги из адвентистских издательств. Подобные шаги, как и следовало ожидать, лишь придали ему ореол мученика, который, вкупе с теориями заговора, подразумевавшими «ренегатство» Генеральной Конференции и переход ее на сторону евангелических церквей, стал для адвентистов-диссидентов поводом для объединения. И хотя

Андреасен незадолго до своей кончины примирился с церковными руководителями и Церковь вернула ему статус служителя, ущерб был уже нанесен. Вокруг теологии Андреасена сплотилось множество верующих. Перфекционизм, присущий его теологии последнего поколения, был далеко не преодолен. Многие рядовые члены и значительная часть служителей продолжали исповедовать эти взгляды, несмотря на то, что прочие служители, преподаватели богословия и администраторы уже двигались в ином направлении». Вот так: за взгляды, которые в период молодости Андреасена считались ортодоксальными, в адвентизме 50х он был лишен служения и книги его запретили к распространению! Т.е. дело дошло до частичного отлучения, пусть он потом и «примирился». А ведь, происходи дело в конце 19 века – отлучили бы скорее адвентистское руководство 50х годов 20 века! Так действительно ли это – одна и та же церковь? Примечательно, что у Андреасена нашлось много сторонников, и это легко объяснимо: ведь в любом исповедании всегда тяготеют к истокам, к первоначальной чистоте – а старый адвентизм слишком уж явно противоречил «новым доктринам».

В связи с этим интересно, что по свидетельству Найта и в «реформированном» адвентизме остаются сторонники «греховной человеческой природы Христа». У самого Найта можно прочитать такой пассаж: «нужно понимать, что на самом деле Библия не дает разгадки тайны человеческой природы Христа, ее, так сказать, точных параметров. Мало сказать: Он был сотворен в «подобии плоти греховной» (Рим. 8:3; Флп. 2:7). Не так все просто. Одни говорят, что этот термин означает «в точном подобии», другие утверждают, что имеется в виду лишь приблизительная «похожесть»». Как будто вера Церкви уже не разъяснила за эти 2000 лет, что значит пришествие Христа на землю «в подобии плоти греховной»! Как будто сам Найт уже не разъяснил, со ссылкой на Елену Уайт, различие между «безгрешными немощами» и «греховными страстями»! Или такая неопределенность допущена специально, чтобы примирить враждующие стороны в адвентистском лагере? Наряду с этим заметим, что в современном адвентизме также остается активным обращение к методистскому наследию и доктрине освящения Уэсли.

Вот как это характеризует Найт: «Если перейти в историческую плоскость, то здесь нельзя забывать, что адвентизм является наследником анабаптистского реставрационистского, а отнюдь не лютеранского или кальвинистского крыла Реформации .. Поэтому первые адвентисты не желали довольствоваться теми представлениями о соотношении закона и Евангелия, которые были выработаны Лютером в противовес средневековому законничеству, но пошли в своих богословских изысканиях по пути совмещения (хоть и не всегда безупречного) Нагорной проповеди и Послания к Римлянам 3-5. Следует отметить, что даже Павел был озабочен «покорением вере» (см. Рим. 1:5; 16:26) не менее, чем оправданием по вере. Судя по Посланию к Римлянам, Павел выступал не против послушания как такового, но против дел послушания, производимых помимо веры в Бога. Он отстаивал жизнь «веры, действующей любовью» (Гал. 5:6) ... Эта мысль возвращает нас к веслианским корням адвентистского вероучения. Гений Джона Уэсли заключался в том, что он возродил апостольский взгляд на сочетание оправдания и освящения в христианской жизни. В этом смысле он внес определенную коррективу в Реформацию, склонную устремиться к противоположной от законнического католицизма крайности. Кроме того, Уэсли возродил библейское учение о совершенстве вместо средневековых воззрений на совершенство, позаимствованных из греческой философии в эпоху аскезы и монашества».

Здесь мы наблюдаем в каком-то смысле здравые попытки отойти от одностороннего юридического понимания спасения Лютером как только оправдания и внешнего прощения грехов. Да, верно: человек должен покоряться Богу, и вера должна действовать в любви – иначе спасение окажется фикцией. Спасение – это не провозглашение праведным, а реальное «стяжание благодати», обретение святости во Христе. Эти адвентистские усилия по дополнению пассивного оправдания динамичным освящением, в котором участвует сам человек, - можно только приветствовать. Ведь за ними кроется осознание бессмысленности юридического оправдания и «номинальной» святости. Но, к сожалению, они, как и все протестанты, оставляют неизменным пункт о спасении по вере. А освящение, под предлогом отказа от средневекового аскетизма и «греческого» представления о совершенстве, может привести только к «бурным» эмоциональным переживаниям по поводу своей мнимой безгрешности. Когда я в очередной раз слышу от протестантов, - в православии много греческого, а не библейского, - я всегда спрашиваю: что вы имеете в виду? Ведь уже либеральные протестанты 19века (Гарнак, Ричль и т.д.) неопровержимо доказывали, что «греческое» проникло в

само Евангелие, - особенно, от Иоанна (идея о вечном существовании Бога-Слова). Догматы о Троице и Богочеловечестве Христа объявлялись этими богословами самими, что ни на есть, «греческими». О, эта «греческая порча» Евангелия! Адвентистов эта ложная идея также завела в дебри отрицания Троицы и божественности Христа (а разве мусульмане порой не критикуют веру в Троицу как заимствования из «неоплатонизма»?). Остальных протестантов она привела к отказу от почитания святынь и таинств (полному или частичному).

Адвентисты в чем-то справедливо критиковали такой односторонний христианский «спиритуализм» и презрение к материальному, хотя это и есть как раз «греческое» или «гностическое», но никак не христианское. Тем не менее, они впали в другую крайность, подозрительно относясь к идее души и нематериального вообще. Казалось бы, православное учение об освящении материи и тела (отсюда и таинства) должно быть благосклонно принято адвентистами, ведь оно преодолевает односторонний спиритуализм, точку зрения, что только духовное реально, а материя – это что-то временное и не относящееся к сущности человека. Но нет – адвентисты, как и остальные неопротестанты, верят в крещение как символический безблагодатный обряд, верят, что благодать может действовать и на детей (посвящение детей Богу) – но две этих идеи не могут соединить в одну: что в крещении человек (и дети тоже) возрождается благодатью Божьей к новой жизни. Почему? Да потому, что со всеми протестантами разделяют негативное, «греческое» отношение к материи: духовное «благодать» и материальное (вода в крещении) – никак не могут соединяться вместе, - либо одно, либо другое, материя остается непричастной божественному. Как будто Богу запретили действовать через материю и в материи, запретили освящать материальный мир. Впрочем, это уже совсем другая история.

8.

Между тем, в современном адвентизме продолжают кипеть страсти вокруг наследия Елены Уайт. Найт открыто признает, что «первые две трети двадцатого столетия большинство адвентистов были убеждены, что труды Елены Уайт следует воспринимать как Божественный комментарий на Библию. Что касается использования ее трудов, многие адвентисты стали поступать вопреки ее же собственному совету, превращая «меньший свет» в «свет больший»». Т.е. тенденция к фактическому приравниванию трудов Уайт к Библии, или, по крайней мере, к минимальному сокращению дистанции между ее сочинениями и Писанием, сохранялась вплоть до 70х годов. При этом предполагалось, что ее труды в значительной степени богодухновенны. Однако в 70е годы ситуация стала меняться к большей трезвости. В начале 70х в адвентистском журнале Spectrum появился целый ряд статей, где указывалось, что Елена Уайт заимствовала материалы у других авторов. В этих статьях утверждалось, что наиболее широко этот прием используется в ее исторических трудах. Казалось бы, ничего особенного – даже библейские писатели цитируют других библейских писателей, а апостол Павел цитирует и языческих поэтов. Но для адвентистов, привыкших верить в полную уникальность сестры Уайт, - «в воздухе запахло грозой».

Найт описывает эту ситуацию: «В течение следующих нескольких лет в Spectrum появился целый ряд статей, где указывалось, что Елена Уайт заимствовала материалы у других авторов. В этих статьях утверждалось, что наиболее широко этот прием используется в ее исторических трудах. Подобного рода заимствования не вызывали особого удивления у адвентистов девятнадцатого века, привыкших видеть рекламу книг, к которым она обращалась, в Ревью энд Геральд и потому имевших возможность увидеть в них соответствующие параллели, но они стали настоящим ударом для нового поколения членов Церкви, воспитанных на мифе об ее уникальности и пребывавших в убеждении, что все написанное пророком исходит непосредственно от Бога через откровение свыше /./ В любом случае обнаруженные в процессе исторических изысканий факты стали угрожать не только мифологии, возникшей вокруг Елены Уайт, но и авторитету, которым она пользовалась в Церкви. Следующая стадия в ходе новых исследований трудов Елены Уайт наступила в 1976 году, когда Рональд Л. Намберс опубликовал книгу под названием Prophetess of Health. В ней Намберс утверждал, что она не только вполне сообразовывала свои мысли о санитарной реформе с медицинскими знаниями того времени, но и заимствовала свои идеи у современников, занимавшихся пропагандой здорового образа жизни. Попечители литературного наследия Елены Г. Уайт не

замедлили с ответом и в том же году выпустили книгу *A Critique of the Book Prophetess of Health*. В этом издании был дан последовательный, глава за главой, анализ выстроенной Намберсом аргументации. Было показано, что упомянутый автор не принял во внимание ряд важных свидетельств и время от времени неверно истолковывал ее высказывания по тем или иным существенным вопросам. После 1976 года изыскания, связанные с Еленой Уайт и ее трудами, продолжились. Одно из таких исследований было предпринято адвентистским пастором Уолтером Ри. По его итогам пастор Ри пришел к выводу о том, что Елена Уайт широко использовала заимствования из чужих произведений в таких книгах, как *Желание веков* и *Патриархи и пророки*. В ответ на его утверждения Нил Вильсон, президент Генеральной Конференции, назначил комиссию для встречи с Ри и для изучения представленных им данных. Хотя некоторые члены комиссии посчитали, что исследованию, проведенному Ри, недостает научной точности, комиссия в целом согласилась с тем, что заимствования Елены Уайт у современных авторов оказались более обширными, чем считалось прежде. В 1982 году Ри опубликовал свои открытия в виде книги под названием *The White Lie* (Белая ложь)».

Разумеется, адвентисты должны защищать свою пророчицу – падет она, - что будет с адвентизмом? Найт говорит, что доказательства в пользу широких заимствований у Елены Уайт нанесли удар по ее «мифу». Но разве не сами адвентисты уже более полутора столетий тщательно создают и оберегают этот миф? И разве сама г-жа Уайт не участвовала в творении этого мифа, постоянно заявляя о своих особых дарах и особых откровениях, данных только ей? Разве она не призывала слушаться своих «свидетельств» так, как если бы это был голос Самого Господа Бога? Чему же теперь удивляться, когда вдруг выяснилось, что «откровения» Уайт оказались не столь уж «откровенными», и в них много заимствований из других авторов, - как и у многих богословов. Но для адвентиста Елена Уайт не может быть как все, по принципу «всяк человек есть ложь» - это относится ко всем, но к ней.. Ведь очевидно, что по крайней мере часть своих «ортодоксальных» мыслей она просто позаимствовала – например, мнение о безгрешности человеческой природы Христа. Очевидно, что ее «откровения» о пищевых ограничениях (это видно даже по деталям аргументации) – во многом заимствованы из популярных журналов о здоровье, издаваемых в то время. Воистину, нужно очень верить в «адвентистский миф Уайт», чтобы полагать, будто запрет чая или кофе был внушен миссис Уайт непосредственно Богом. И разве не очевидно, что она, не будучи крупным богословом и историком христианства, неизбежно должна была заимствовать очень многое у более просвещенных в этом отношении христиан? Но, разумеется, это противоречит главному адвентистскому мифу: поэтому, даже признавая обильные заимствования в трудах «богодуховенной» Уайт, адвентисты говорят о том, что она это делала «творчески». А как же иначе? Разве может САМА УАЙТ что-то делать не-творчески? Ведь и компиляцию из чужих цитат можно сделать «творчески». Кстати, Найт почему-то не говорит конкретно о том, что вышеупомянутый пастор Уолтер Ри доказывал: заведомо больше половины объема от проанализированных им трудов Уайт являются заимствованиями. И что же? Он был отстранен от пасторского служения – но об этом мы не прочтем в книге Найта.

В адвентизме начала 21 века отношение к трудам Уайт многообразно: «Многие в среде образованных членов Церкви пришли к выводу, что в лучшем случае Елена Уайт уже устарела, а в худшем - просто была подделкой или мистификацией. Эта часть адвентистской Церкви стала уделять все меньше и меньше внимания ее советам. На другом конце адвентистского спектра оказались те, кто сделал Елену Уайт своим высшим богословским авторитетом - по крайней мере, на практике, если не в теории. Эта большая группа верующих стремилась сверять вероучение главным образом с ее трудами, в массе своей считая их во всех отношениях непогрешимыми и дословно вдохновенными свыше. Прочие адвентисты, будучи осведомлены обо всех проблемах адвентизма, тем не менее, считали служение Елены Уайт благословением и жизненно важным даром, который Церковь использовала не совсем верно и не до конца понимала. Поэтому они считали необходимым утвердить ее служение на более солидной теоретической основе».

Мне сложно судить, какова доля этих «образованных членов церкви» в адвентизме, но полагаю, что, как и в остальных исповеданиях, они составляют меньшинство – тем более, что адвентизм не является такой уж «сверхинтеллектуальной» конфессией. В любом случае, я не верю, что мнение этих образованных адвентистов победит – ведь тогда адвентизм потеряет свое лицо, став

похожим скорее на баптизм или пятидесятничество, но с заметной «спецификой». Часть этих образованных адвентистов скорее уж покинет адвентизм, или образует какую-нибудь неоадвентистскую группу: у них нет шансов, они замахнулись на святое. Стало быть, основная борьба будет разворачиваться между «умеренными» и «неумеренными» поклонниками Уайт. Т.е. между сторонниками ее богодухновенности и «сбалансированной точкой зрения», которая все же признает некоторую погрешимость сестры Уайт. Но главным богословом, пророком и матерью адвентизма ей суждено оставаться и далее, - в противном случае это будет уже не адвентизм. Тут уж все просто: *sumus ut sumus, aut non sumus* – останемся такими же, или перестанем быть. Да, адвентизм в течение своей истории радикально эволюционировал в ряде фундаментальных вопросов, но в этом вопросе давно уже нет никакой эволюции. Даже признание Троицы и божественности Христа было сделано так, чтобы лишний раз показать: и здесь была права Елена Уайт, и здесь только она мыслила правильно – вопреки заблуждениям остальных адвентистов (включая собственного супруга).

Между прочим, вера в Троицу и сегодня вызывает сомнения у адвентистов. Найт не скрывает, что «как ни странно, 1990-е годы стали свидетелями возрождения антитринитария и полуарианства на том основании, что такова была вера большинства первых адвентистов. Подобный посыл кажется, по крайней мере, странным для Церкви, основанной в противостоянии с традицией как богословским авторитетом. Впрочем, столь резкий поворот в отношении к авторитету не был единственным в адвентистской истории». Что же здесь странного? Для любого исповедания свойственна тенденция «возврата к отцам», к «святоотеческому наследию» - вот только отцы бывают разные и порой очень даже не святые. Вот и адвентисты, возвращающиеся к своим отцам, находят у них отрицание Троицы и божественности Христа. Но ведь это именно те отцы, которые провозгласили почитание субботы и другие базовые доктрины адвентизма! Как же им можно не верить?! Простите, но богословская традиция есть у любого исповедания – ее просто не может не быть. И свод неизменных доктрин есть у всех церквей – а иначе, как же можно во что-то верить, если все истины у вас текучие и изменчивые? А если отрицать любые богословские авторитеты и любые неизменные истины – тогда может и отношение к субботе надо пересмотреть? Если адвентисты скажут, что суббота заповедана Богом – так ведь другие христиане почему-то считают несколько иначе, ссылаясь на Новый Завет. Православные в Символе веры провозглашают, что они верят в апостольскую церковь. Т.е. мы хотим быть верными духу апостольского учения – истоку христианского богословия. А вот в адвентизме почему-то верность истокам оказывается ныне преступной: нельзя отрицать Троицу и божественность Христа.

И вот тут самое интересное. В завершение своей книги, Найт приводит список основополагающих для адвентизма доктрин: «Церковь располагает двумя группами истин, которые определяют, что значит быть христианином адвентистом седьмого дня. В первую группу входят центральные основополагающие доктрины, сформулированные в первые годы истории адвентизма: седьмой день суббота; Второе пришествие; двухфазное служение Христа в небесном святилище; условное бессмертие; неизменное присутствие в Церкви духовных даров (включая дар пророчества) до конца времен. Эти истины выделяли адвентизм седьмого дня на фоне других адвентистов и всех остальных христиан. Вторая центральная группа в адвентистском богословии состоит из целого ряда доктрин, которые объединяют адвентистов с другими христианами: например, учение о Божестве; о богодухновенности Библии; о проблеме греха; о жизни, заместительной смерти и воскресении Иисуса; о плане спасения». Заметьте, что в первую по значимости группу входят не догмат о Троице (он вообще конкретно не упомянут) или доктрина божественности Христа, а доктрины субботы, смертности души, небесного святилища и вера в пророческие дары Уайт. Суббота, конечно, на первом месте. Так что не нужно удивляться, что адвентисты до сих пор повсеместно не верят в Троицу и эту веру боятся представлять в качестве догмата, необходимого для спасения. Ведь сами основатели этой конфессии в Троицу не верили, но любой адвентист уверен, что все они спасены и будут с Христом в раю (ибо сейчас их души спят, согласно адвентистской доктрине).

Значит, вера в Троицу, видимо, необязательна для спасения адвентиста. Главное, что и Джеймс Уайт, и Джозеф Бейтс, и Урия Смит - верили в СУББОТУ! Это догмат, который покрывает все остальные, это индульгенция за все грехи. А раз так – колебания вокруг веры в Троицу и Богочеловечество Иисуса ожидают адвентизм и в дальнейшем – ведь он не может отказаться от

представлений о святости своих отцов-основателей и от своей истории, в которой отрицание Троицы занимало важное место. Еще бы, это смелые люди, которые хотели довести дело реформации до конца и окончательно очистить протестантизм от «папских» наслоений – как же тут Троицу не отрицать? Видимо, это должно вдохновлять и современных адвентистов. Обратите внимание, что адвентизм в своей истории терпел (и сегодня готов терпеть до известной степени) неверное понимание догматов из второй группы (т.е. традиционно христианских – тринитарный, христологический), но никак не из первой – отрицание субботы или пророческой миссии Уайт, как и доктрины небесного святилища, - оставляло человека за бортом адвентизма. Попробовал бы сегодня кто-нибудь из адвентистов заявить, что почитание субботы не соответствует духу христианства – и потом он сам убедился бы, насколько верны заявления, что в адвентизме нет четкого символа веры, что адвентистская истина подвижна и динамична и т.д. Нет, господа: истина о субботе стоит по-прежнему на первом месте в адвентизме, и она незыблема и абсолютна. Без нее спасения для адвентиста просто не существует. А вера в Троицу – оставьте это для богословских конференций. Заключение будет таким: для адвентиста неизменным и абсолютным является именно специфически-адвентистское, это в первую очередь необходимо для спасения, а вот общехристианское «менее абсолютно» и допускает известные вариации. К тому же, между первой и второй группой догматов существуют противоречия: например, адвентисты так и не смогли внятно объяснить, как догмат об искуплении Христом на кресте человечества и общехристианские представления о частном и всеобщем Суде совмещаются с адвентистской доктриной «небесного святилища» и теорией «следственного суда». Ведь остальные христиане в своей доктрине искупления 1800 лет спокойно обходились без теории «небесного святилища».

Отсюда закономерный вывод: адвентизм до сих пор колеблется, что для него важнее – выглядеть одной из ветвей евангелического протестантизма, или оставаться в своей, изолированной от других, адвентистской капсуле? И капсула с откровениями Уайт оказывается ближе к сердцу – потому что это свое, родное, адвентистское. А догматы о Троице и божественности Христа настолько родными так и не стали – это скорее «племянники», а не «родные дети». И здесь мы можем возвратиться к вопросу, заданному протестантом Барнхаузом в 1956: так христиане ли адвентисты? Конечно, ясно, что они не иудеи или мусульмане. Ясно, что они не принадлежат к таким тоталитарным и окологреховным сектам, как свидетели Иеговы. Но вот дальше возникают сложности. Понятно, что они не классические протестанты, как лютеране и кальвинисты. Но и к наследникам радикальной реформации, которых ныне нередко именуют неопротестантами (баптисты, пятидесятники), их причислить трудно. Да, их многое роднит с этими группами, это все тот же дух американского евангелизма, но у адвентистов слишком много «своего» - та самая «первая группа» истин. И в то же время догматы о Троице и о божественности Христа до сих пор не имеют в адвентизме столь же ясного статуса, как в других христианских конфессиях – ясно только, что адвентизм допускает то, что без веры в Троицу можно спастись (или было можно, а теперь нельзя?). В каком еще христианском исповедании почти все его базовые и до сих пор строго обязательные доктрины были выдвинуты людьми, отвергавшими христианскую веру в Троицу и не считавшими Иисуса Богом? И этим людям продолжают верить и современные адвентисты, которые вроде бы веру в Троицу разделяют со всеми христианами. Это лишний раз доказывает, что адвентизм – это какое-то особое христианство.

Аналогичные проблемы возникают и с верой части адвентистов в греховную природу Христа, а также в то, что на кресте Христос умер «второй смертью» и, следовательно, произошло разделение Его божественной и человеческой природ (развоплощение) – кстати, Найт об этом почему-то не пишет. Оставляет множество вопросов и непразднование адвентистами Воскресения Христа. Если суммировать эти моменты, то можно сказать, что любые классификации исповеданий недостаточно точны. Адвентистов многое роднит с неопротестантами, но многое и разделяет, порой очень сильно. Точно так же, многое роднит их и со свидетелями Иеговы (особенно в прошлом), но многое и отличает. Следовательно, мы вправе констатировать, что адвентизм имеет явные тенденции эволюции от христианства к иудеохристианству, от неопротестантизма к более радикальным и сектантским группам, выходящим за пределы протестантского мира. Тенденции к особому культу, сформированному вокруг одной человеческой личности (вера в особые дары и едва ли не богодухновенность Елены Уайт, а также основополагающая ценность только ее трудов – т.е., по

сути, склонность к обожествлению Уайт и ее сочинений) в адвентизме тоже далеко не преодолены до конца (и не видно стремления их преодолеть – непонятно, как же церковь АСД может полностью пересмотреть «особое почитание» Уайт?). Поэтому ясно, что адвентисты – христиане, но весьма искажающие ортодоксальное христианство, заметно сильнее, чем традиционный протестантизм.

Разумеется, православные ни в коем случае не могут видеть в адвентистах «искупленных собратьев», - хотя бы потому, что не считают «спасенными» даже самих себя, а, кроме того, видят в адвентизме множество глубоких заблуждений. Что касается места адвентизма в христианском мире, то оно примерно таково: адвентизм – это исповедание, находящееся между неопротестантизмом и такими псевдо-христианскими сектами как свидетели Иеговы, для которых иногда употребляют термин «маргинальный протестантизм». Впрочем, для них этот термин кажется не совсем адекватным: свидетели Иеговы хотя и вышли из радикально протестантской среды, но их вероучение не может быть названо протестантским: скорее это «бывший протестантизм», который в своем отступлении от христианства зашел настолько далеко, что сама христианская идентичность (а какое христианство без веры в Воплощенного Бога?) оказалась разрушенной; было отброшено и Писание, пусть не до конца (иеговисты признают только свои искаженные переводы Библии). Адвентизм все-таки признает «традиционное Писание». При этом важно отметить, что в течение своей истории адвентизм как-никак эволюционировал в более «ортодоксальную сторону». Так что он остается где-то на границах христианского мира, все время колеблясь между собственно адвентистской (от которой он не в состоянии отказаться) и христианской идентичностью, - хотя и то, и другое, органично несовместимо, - как любая попытка усидеть на «двух стульях». В этой связи правильнее отнести современный адвентизм к «маргинальному неопротестантизму». Но сама его удивительная эволюция (ведь когда-то он был ближе к иеговизму) и «подвижность» многих его истин очевидно доказывают ложность многих оснований этого исповедания.

Все цитаты приведены по книге Джорджа Найта «В поисках своего лица» - <http://www.adventist.org.ua/article/findingtheface/>